

ROBERT M. WEGNER

KAŻDE MARTWE MARZENIE

OPOWIEŚCI Z MEEKHAŃSKIEGO POGRANICZI

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

КАЖДАЯ МЕРТВАЯ МЕЧТА

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Перевод с польского:

Сергей Легеза

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
В26

Серия «Шедевры фэнтези»
Robert M. Wegner
KAŻDE MARTWE MARZENIE

Публикуется с разрешения автора,
издательства Powergraph и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
На форзацах использованы иллюстрации
Иоланты Дыбовской

Вегнер, Роберт М.

В26 Каждая мертвая мечта / Роберт М. Вегнер.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 857, [1] с.— (Шедевры фэнтези).

ISBN 978-5-17-111087-1

На южных границах Меекхана вспыхивает восстание рабов, униженные и обездоленные хотят отомстить каждому и не щадят никого. Генно Ласкольник и его войска оказываются в самом сердце этой войны. Что они ищут среди бунтовщиков, решивших сбросить вековое иго? А за тысячи миль от разгорающейся резни, на севере, отряд Горной Стражи оказывается внутри зловещего артефакта, пришедшего из другой эпохи, тайны которого погубили уже немало жизней. Меекхан истекает кровью, и ничто не может остановить пламя, пожирающее империю. Но людям, сражающимся друг с другом, предстоит узнать, что их земля, да и они сами, стали полем боя тех, кто страшнее и могущественнее любого человека, тех, кто очень долго ждал возможности вернуться. Вернуться и все изменить. Судьбы Севера, Юга, Востока и Запада затягиваются тугим узлом, и предсказать, кто умрет, а кто останется в живых в этой битве, уже невозможно.

Copyright © 2018 by Robert M. Wegner
Copyright © 2018 by Powergraph
© Сергей Легеза, 2019, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
Copyright © 2018 for the map of Meekhan
by Jolanta Dybowska
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧАСТЬ I
НАТЯНУТАЯ ТЕТИВА

ПРОЛОГ

Через пять дней пути на юг они наконец спустились в долины, обитаемые людьми, и разбили лагерь так, словно находились в собственной провинции. Явно, на виду. Нет лучшего способа объявить о своем прибытии и при этом показать, что у них добрые намерения. Только бандиты и преступники пытаются скрываться.

Нашли их так быстро, как они и надеялись. Сотня вооруженных людей. Белые плащи, разнообразнейшее оружие.

Стража.

Они откликнулись издали. Назвали номера и место гарнизона. Солдаты сперва казались сбитыми с толку, источали недоверие, но потом отступили, велев им оставаться на месте.

— Послушаемся их, господин лейтенант?

Командир снял шлем и причесал пальцами рыжие волосы.

— Офицером у них старший лейтенант. Мне придется слушаться. Я бы и сам удивился, когда б в Белендене появилась рота из-под Олекадов.

— Но мне не нравится выражение его лица...

— Велергорф, после того, через что мы прошли, я не намерен обращать внимание на каждое дурацкое выражение лица, которое увижу. Как раненые?

— Неплохо. Но нам нужно теплое и сухое место, чтобы к ним не пришла горячка.

— Пока что — пусть отдыхают. — Лейтенант глянул на небо. — Темнеет, наверняка проводников нам пришлют только утром.

Прислали.

Утром лагерь окружили три роты под командованием полковника, который коротко представился как Минхаль Конвец из Девятнадцатого полка Горной Стражи. Пришел к ним в сопровождении нескольких тяжеловооруженных солдат, осмотрел палатки, амуницию, состояние роты.

И приказал им сложить оружие.

Между палатками пронесся шумок, солдаты обменивались растерянными взглядами. Горная Стража не разоружала друг друга, разве что кого-то подозревали в измене. Велергорф глянул на лейтенанта. Тот миг-другой колебался — достаточно долго, чтобы его люди начали тянуться к мечам, топорам, копьям...

— Стоять! — заставил их замереть на месте рык офицера. — Десятники, по местам! Приготовиться сложить оружие!

— Господин лейте...

— Ни слова, десятник. Ни слова. — Рыжий лейтенант развернулся к старшему по званию. — Лейтенант Кеннет-лив-Даравит докладывает: Шестая рота Шестого полка Горной Стражи из Белендена готова сдать оружие.

Полковник чуть кивнул, а сопровождавшие его слегка расслабились.

- Принял, лейтенант.
- У меня раненые, не все смогут идти.
- Можете положить их на носилки.
- Спасибо.

Разоружили их быстро и умело, хотя местные солдаты и казались несколько обескураженными и обеспокоенными. Раз за разом поглядывали на восток, словно ожидая оттуда нападения.

Велергорф молча отдал топор и нож, после чего смотрел, как его командир отстегивает пояс с мечом и передает полковнику. Жест имел значение: офицер не должен сдавать оружие тому, кто младше его по званию.

Минхаль Конвец принял пояс молча и молча же передал его дальше.

— Могу спросить, откуда пришел приказ? — Лейтенант стоял перед командиром Девятнадцатого.

- Из столицы.
- Как он точно звучал, господин полковник?
- Узнаете на месте. В казармах. А может, и нет.
- Не понимаю, господин полковник.

По загорелому лицу Конвеца пронеслась целая стая эмоций. От нетерпения до веселья. Мрачного и горького веселья.

— Вы поймете где-то пополудни, господин лейтенант. Или раньше, если поспешим.

Их повели быстрым маршем. Солдаты были настолько вежливы, чтобы помогать с носилками. Может, не все так плохо, мелькнуло в голове у Велергорфа. Может, это просто глупая ошибка.

Целое утро они взбирались на, похоже, самую высокую гору в окрестностях. Наверняка, это была не самая прямая и не самая легкая дорога. Но никто не протесто-

вал. Девятнадцатый находился на своей территории, а значит, в этом наверняка имелся некий смысл.

Когда они добрались до вершины, перед ними раскинулась панорама в пару десятков миль: огромная долина, расположенная между Малым и Большим хребтами. Дальше к югу, в расплывчатой дымке, были видны вершины остальной части Малого хребта.

— Посмотрите на восток, — коротко обронил полковник.

Велергорф глянул в указанном направлении и замер. Восток... небо на востоке... Неба не было. Большая серо-бурая туча укутывала все грязным саваном.

— Со вчера она придвинулась ближе. На восточном конце Олекадов начинает падать серый снег. Снег, смешанный с пеплом. — Полковник говорил тихо, но у Велергорфа был прекрасный слух. — Якобы это тамошнее Урочище. Урочище около Старого Меекхана тоже... пуф-ф! Дым дотянулся до столицы, и пока что оттуда нет никаких новостей. Но приказ — это приказ, лейтенант. Вы арестованы по обвинению в измене.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Костяное сиденье было твердым и таким холодным, что потихоньку превращало задницу в кусок замороженного мяса. В доме царил мороз, а примитивный очаг, черный и, похоже, много дней как мертвый, только усиливал ощущение холода. Север. Проклятуший Север. Вроде бы сюда давно должна уже прийти весна — естественно, для здешних мест: ветра дуют немного менее яростно, по океану плавают меньшие льдины, а плевки на его сапо-

гах замерзают чуть помедленнее, чем в несколько ударов сердца.

Но не в этот раз. Похоже, Север сбрендил.

Согласно плану, портал выбросил его по другую сторону Лохарров. Тут должны были находиться поселения охотников на тюленей и моржей, белых песцов и полярную птицу, гарпунщиков, что ожидали тут стаи китов. Ценный мех, мясо, сало и рыбий жир, груды амбры, найденные на берегу или добытые из внутренностей морских тварей... Северная сторона Лохарров доставляла на рынки всего мира дорогие и редкие товары.

Но охотники на тюленей, убийцы китов почти никогда не проводили тут зиму. Лагеря становились людными по весне, когда лодки и корабли находили дорогу сквозь растаявшее у гор море, и пустыли осенью, когда груженные по борту корабли опять забирали людей на юг. Зимой окрестные воды замерзали, и мореходство здесь становилось невозможным.

Но порой кто-то оставался. Если сезон оказывался настолько удачным, что корабли были не в состоянии забрать всю добычу, кому-то приходилось провести несколько худших месяцев на каменистом побережье, чтобы возвращающиеся охотники не нашли запасы разграбленными белыми медведями, песцами или другими хищниками — двуногими, вооруженными железом. Те, кто решался остаться зимовать на Севере, где днем солнце появлялось на небе всего-то на час-другой, а и то не всегда, ждали конца следующего сезона словно избавления.

Но, похоже, в этом году ждали тщетно.

Северные проливы до сих пор не сбросили ледяной панцирь. Даже там, где лед хотя бы чуть треснул, поля несостоявших торосов оставались огромными, словно города.

Плыть кораблями между смыкающимися щелями значило рисковать расколоть хрупкие корпуса, словно ореховую скорлупку. Суда не пришли, запасы закончились, белый, словно волосы Андай'и, песцовый мех, за который на юге можно было объедаться деликатесами хоть месяц напролет, тут не смог бы наполнить ничьего желудка.

Ирония судьбы.

Его портал открылся в полумиле от селения: пять деревянных изб, поставленных из ценного на Севере дерева, да несколько юрт из китовых ребер, обтянутых шкурами. Большие котлы, где вытапливали жир морских гигантов, были прикрыты тканью и подперты, сотни стояков, на которых скребли и сушили шкуры, бодали небо, бесцельно ожидая начала новой работы. Тишина и спокойствие.

А должен был его приветствовать шум, движение и столько вареного тюленьего мяса, сколько сумел бы съесть.

Он почувствовал это сразу, едва пересек условную границу селения. Мурашки по хребту, деревенеющие кончики пальцев, чувство, будто кто-то смотрит тебе в спину, натягивая тетиву до уха. Страдание, давно отзвучавший вопль, воспоминание о котором все еще режет воздух, боль и мука.

Это были «дары» Кулака Битвы. Он чувствовал Силу, эту кровь в венах мира, чувствовал как аспекты, так и дикие, хаотические Источники. И даже тот безмерный, не объятый никаким разумом океан за ними. Сила, аспектированная или нет, уступала эмоциям, позволяла себя формировать, гнуть и лепить. И «использованная» таким образом, она оставляла след на теле реальности.

Тут господствовал голод, а из этого голода родилось нечто другое, мрачное и мерзкое. Отчаянье, гнев, ненависть.

Атаковали его с трех сторон одновременно. Три фигуры в мехах бросились на вора: две — выбежав из-за ближайшей хаты, третья выскочила из юрты за его спиной. Никакого приветствия, никаких вопросов, откуда он и каким чудом тут оказался; вместо этого ему должно было хватить трех широких гарпунов, направленных в грудь и спину.

Атаковавший со спины оказался первым. Альтсин не смотрел на него, ему не было в том нужды, он просто плавно уклонился, мягким движением пропуская тычок под мышкой. Перехватил гарпун за наконечником, сломал древко и воткнул зазубренное острие в горло мужчине.

Даже не взглянул на падающий труп.

Двое оставшихся крикнули, одним движением вскинули оружие и одновременно метнули ему в грудь. Он спокойно смотрел, как оба гарпуна плывут к нему по воздуху: древки чуть вибрировали, наконечники, покрытые ржавчиной и кровавыми потеками, тянули за собой бледные полосы. Этим оружием убивали, а духи мертвых все еще липли к железу.

Он сделал шаг влево, перехватил подлетающий гарпун за середину древка, обернулся на пятке и послал его во владельца. Оружие полетело назад быстрее, чем из осадного «скорпиона», ударило охотника в грудь и отбросило его на стену дома. Он был мертв еще до того, как гарпун припилил его тело к дереву.

Последний атакующий замер с ладонью на рукояти наполовину вынутого ножа. Альтсин переживал уже нечто подобное, давным-давно, когда один речной полубог пытался узнать, с кем имеет дело. Тогда он чувствовал, словно его одержала некая сила, но теперь это было для

него совершенно естественно, как некогда нырнуть рукой в развязанный чужой кошелек.

Обычному смертному он наверняка казался демоном, у которого глаза на затылке, который движется быстрее молнии и обладает силой десятка людей.

Нож медленно вернулся в ножны, а последний нападающий развернулся и помчался в дом.

Альтсин двинулся следом.

И теперь, менее чем через час, сидел в том самом домике и смотрел в глаза связанного человека. Плевок пленника медленно замерзал на сапоге вора, лежащий на каменном полу человек даже не имел сил, чтобы плюнуть как следует.

Неважно.

Все это оставалось неважным в присутствии того, что колыхалось под потолком, почти посредине помещения.

Альтсин отвел взгляд от связанного мужчины и еще раз осмотрел комнату. Тут использовали немного дерева только на столешницу, остальную мебель, табуретки, лавки, даже полки около стен и рамы кроватей были сделаны из китовых костей. Старательно обработанных и соединенных.

Мастерская работа.

— Это ты сделал? — заговорил вор на диалекте не-сбордийских кланов.

Относительно того, что пленник — один из этих пиратов, сомнений не было. Именно они составляли большую часть добытчиков мехов и охотников в этих землях. Кроме того, у мужчины была светлая кожа и волосы, а еще голубые глаза, а татуировки из примитивных рун, украшавшие виски, позволяли понять, из какого конкретно племени или рода тот происходит.

Допрашиваемый только дернулся и еще раз попытался сплюнуть на своего пленителя. Но в этом жесте виделось больше страха и отчаяния, чем гордыни.

Это путешествие не должно было выглядеть вот так. Альтсин предполагал встретить тут корабли и людей, которые — за соответствующую плату — провезли бы его вдоль восточного конца континента туда, куда он желал добраться. Открытие магических порталов было делом непростым, неудобным и оставляло след, по которому любой более-менее талантливый чародей мог его отыскать. Кроме того, его тело все еще оставалось телом смертного: конечно, он мог пользоваться воспоминаниями *авендери* одного из сильнейших богов в истории, но применение полной силы Кулака Битвы выжгло бы его изнутри за несколько десятков минут. Подтверждалась истина древних воспоминаний — без верных и без поддержки группы потенциальных сосудов, готовых принять его дух, когда тот, что носит его сейчас, «используется», *авендери* был и одновременно не был мощью. Словно меч, сделанный из вулканического стекла: острее стали, но готовый расколоться, если ударить им слишком сильно. Смешнейшая из шуток, которые мир сумел ему устроить.

Однако он мог сделать несколько вещей, остававшихся недостижимыми для большинства смертных. Хватало нескольких минут, чтобы усвоить любой язык, на котором к нему обращались; он был быстр, силен, умел противостоять холоду, жажде и голоду.

А еще он видел духов. Животных, людей и не только.

— А ты? Чего ты хочешь? — проворчал он.

Встал и быстрым шагом вышел из дома, ведомый невысоким худым призраком, что вот уже некоторое время крутился около связанного мужчины.

Дух повел его чуть дальше, за селение, где в гигантской, наверняка помнящей не одну зиму призме утрамбованного снега вырезали огромную ледяную пещеру.

Тут, кроме шкур и мехов, которые не поместились на корабли, находился остаток прошлогодней добычи охотников. Большие, в четверть воловьей туши куски замороженного китового жира. Вход в пещеру был открыт, а многочисленные следы животных внутри свидетельствовали, что стражники забросили свои обязанности.

Но не это было важнее всего.

В двадцати шагах от этого схрона, в яме, выкопанной в снегу, валялись останки нескольких собак. А точнее — шести. Шесть черепов, сотни костей поменьше. Дух указал на собак, на пещеру, наполненную жиром, на себя. В этих жестах не было обвинения, только бессилие и печаль.

И вопрос: зачем?

Альтсин вздохнул. История, которая разворачивалась перед его глазами, вдруг сделалась простой, обрела глубину. Черной, словно ледяные глаза морских тварей. Этот лед наполнил его вены, перехватил дыхание, затянул туманом взгляд.

Он вернулся в дом. Уселся на костяной табурет. Не смотрел на мужчину. Пока нет.

— Когда вы ждали корабли?

Лежащий не ответил. Только скривился и заворчал, будто пес.

— Месяца два назад, верно? Весна приходит сюда чуть раньше, чем на восточные земли. Но в этот год — не пришла. Корабли не приплыли.

Единственным ответом оставалось молчание.

